
ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 392:947.8«20/21 вв.»

doi: 10.25730/VSU.2070.18.038

Старообрядческие общины в российском зарубежье: штрихи этнокультурной повседневности в конце XX – начале XXI в.

И. Ю. Трушкова

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук,
заведующая лабораторией «Этнокультурные процессы в Камско-Вятском регионе»,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: arina_trushkova@mail.ru

Аннотация. На основе анализа этнографических экспедиционных материалов рассматриваются современные модели этнокультуры у разных групп соотечественников (старообрядцев) в зарубежье – в Молдавии, Румынии (1), Латвии, Литве и Польше (2). Первые из них принадлежат к поповцам, белокрыницкому согласию. Вторые – беспоповцы, поморцы. История их на данных территориях насчитывает несколько столетий. За этот срок сложились системы адаптации к местным культурным и хозяйственным реалиям. На сегодняшний день они преломляются в определенном срезе этномониторинга, фиксирующего процессы в моделях рассматриваемых этнокультур в материальном и духовном ракурсах.

Показано бытование традиционных элементов «вещного мира». Как правило, они зависели от существования в городской или сельской средах, социального положения и межкультурных связей. Отмечены традиции хозяйствования, традиционных занятий для староверов в Бессарабии, Прибалтийском крае и Польше. Выявлены некоторые характеристики традиционной одежды, которая в наши дни воспроизводится в стилизованном виде и консервируется религиозными воззрениями в качестве «моленной». В системе питания сохраняется соблюдение постов. Бытовое окружение включает ряд особо значимых для культур предметов.

Отмечено состояние языка, книжности, религии. В ряде местностей русский язык не просто становится вторым для повседневного использования, но и частично утрачивается. Показаны межрегиональные коммуникации этнокультур староверия в данных регионах с регионами России, Евросоюза, другого зарубежья. Намечены перспективы исследования этого феномена.

Ключевые слова: старообрядчество за рубежом, этничность, русская речь, книги, религиозность, культурные контакты.

Современные этнокультурные процессы в странах и регионах выявляют специфику, объяснимую традициями и влияющую на перспективы общественной жизни в территориях различного таксономического ранга. Академические этнографические экспедиционные исследования все чаще включают в себя практико-ориентированную заданность, нацеленность на те или иные потребности сфер культуры, духовной, в том числе и религиозной, жизни, образования, гражданского общества.

Глобальный мир, несмотря на впечатляющие масштабы демографических и социокультурных изменений, продолжает сохранять этническую и конфессиональную мозаичность. Природа устойчивости культур сегодня исследуется с использованием инструментария различных наук. Авторы недавно опубликованных в США социологических исследований [13] полагают, что одним из важных факторов сохранения традиционных ценностей в жизни конкретных сообществ является их приверженность определенным религиозным устоям. В целом разделяя этот тезис, отечественные историки В. О. и В. В. Печатновы отмечают, что методика данных исследований зачастую страдают упрощенными обобщениями, существенно искажающими картину [5]. В частности, они полагают, что при изучении современного православия неприемлемо «именовать православными общины, не находящиеся в евхаристическом общении с Православной Церковью и имеющие серьезные вероучительные и иные расхождения с последней» [5].

Хотя данную категоричную констатацию можно рассматривать как приглашение к дискуссии, его исходный посыл представляется в целом оправданным, когда речь идет о современном старообрядчестве. Будучи одним из ответвлений православия, старообрядчество, при всей многоликости его современных паттернов и разобщенности территориальных локализаций, сформировало свой мир, имеющий устойчивые социальные, культурные и религиозные характеристики. Этот мир неоднороден внутренне. Настоящее исследование нацелено на выявление общих и особенных свойств территориально разобщенных старообрядческих общин, сложившихся в различных регионах Восточной Европы в условиях фронтального взаимодействия с другими христианскими общинами.

В 2018 г. Вятский государственный университет выступил одним из поручителей, а лаборатория «Этнокультурные процессы в Камско-Вятском регионе», совместная ВятГУ и Удмуртского Института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН, стала соисполнителем проекта № 18-1-001896 Фонда грантов Президента Российской Федерации, победителя в номинации «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников». Тема проекта – «Книги, культура, Родина» (русские культурные традиции в России и у соотечественников за рубежом). Одним из направлений работ здесь выступили этнографические экспедиционные изыскания в разных регионах европейского зарубежья. Работы проводились традиционными методами, маршрутно-кустовым способом, с применением классических вопросников и наблюдений.

Для этномониторинга и компаративистских исследований были выбраны три макрорегиона, в которых живут старообрядцы. Это – Приуралье и Урал (Россия), южный (Молдавия и Румыния) и северо-западный (Латвия, Литва и Польша). Российские регионы выступали как некая базовая площадка; в зарубежье была выявлена определенная картина воспроизводства этничности, книжности, языка, традиций и обрядов.

Культурные, и в том числе этноконфессиональные, пограничья, специфично могут проявлять себя не только в различных территориальных, но и временных условиях, что усложняет общую картину их существования. Обсуждаемые ныне культурные пограничья в Центральной Европе выявляют некоторые особенности и алгоритмы в системе жизнеобеспечения, как мы говорим, в современный период, а именно в уже почти прошедших первых двух десятилетиях XXI в. В этом смысле показательны исследования в форме так называемого «включенного наблюдения» в ярких этнокультурных средах южных регионов, в число которых заслуженно включается староверие Бессарабии. В методиках исследования «легкую новизну» могут представлять сравнения со старообрядческими общинами Русского Севера, в том числе с Вятским регионом как восточной частью Поморья. Кроме того, этнокультуры планируется рассмотреть как некий живой организм, существующий не только в пространстве, но и во времени.

В Молдавии этнографические исследования проводились в общине г. Кишинева и села Кунича Флорештского района, использовались стандартные вопросники с некоторой переработкой¹.

Кунича – село с преобладанием русского старообрядческого населения белокриницкого/поповского согласия. В его округе располагаются украинские, молдавские деревни. В 15–20 км от него, в селе Каменка (Приднестровье), живут также немцы и евреи. Религиозная палитра местности в данном этническом пограничье также колоритна. На примере Русского Севера выявляются формулы и если не законы, то закономерности воспроизводства этничности в таких пограничьях.

Культурный ландшафт села Кунича отличается отсутствием адаптации плана поселения к квартальной планировке и привязкой улиц к холмистому рельефу выбранной местности и ручьям. В селении поэтому сравнительно четко проявляются микротерритории («концы» на Русском Севере). Один из таких районов на окраине села – украинский, выделяется наиболее старая часть «пустынка» («не пустынка», как на Севере). Здесь построен памятник-крест. И что особо показательно для культурного ландшафта, в нем есть территория старообрядческого монастыря. В центре стоит храм, построенный (или перевезенный) не позднее конца XVIII в. [9, с. 241]

На Русском Севере поселений с неквартильно-уличной, а уличной и беспорядочной планировкой на начало XXI столетия осталось невероятно мало. Единицы, к примеру, деревня

¹ Здесь и далее – полевые материалы автора (ПМА), Молдавия, август – сентябрь 2018 г.

Заборье Лузского района в Кировской области, как правило, располагались в отдалении от логистики современных дорог и ныне с малым населением или заброшены [11, с. 51–52]. В Молдавии, в селе Кунича, достаточно длительное сохранение такой планировки следует рассматривать не только как архаику, но и как элемент высокой адаптации поселения и его жизнедеятельности к природному ландшафту.

Специфика выявляется в хозяйственном комплексе, именно в алгоритме его приспособления к индустриальной экономике страны на протяжении XX в., и с нынешними «штрихами к портрету». Понятно, что хозяйство включало в себя земледелие и скотоводство. Обработка почв – пшеница, рожь (северная культура), в больших количествах – кукуруза (среднее между хлебопашеством и огородничеством). Само разведение овощей – это еще и бахчевые (арбузы, тыквы, кабачки и т. д.). Общественное и личное огородничество включало и производство подсолнечника, табака, на уборку которого привлекались и школьники из местных деревень. В XXI в. школьники на уборку табака из села, в котором старообрядчество как религия воспроизводится более открыто, не привлекаются даже не из-за религиозных соображений, а из-за отсутствия производства табака. Конечно же, яркий южный колорит в хозяйственно-культурном типе – садоводство. Его современная характеристика – обилие урожая при скромной реализации [8].

Востребованными бы на Русском Севере ныне оказались яблоки, виноград, орехи, чернослив, подсолнечное масло и другая экологически чистая продукция, в том числе и более дешевая, чем в северных краях. Инновация в садоводстве – выращивание клубники по голландской технологии, включающее не только капельный полив, но и многократное опрыскивание специальными химическими препаратами для транспортировки в страну заказа.

Показательно, что на протяжении XX в. состав местного варианта хозяйственно-культурного типа воспроизводился с некоторыми изменениями. По сравнению с Русским Севером в нем не ярко выделяются подсобные занятия – кустарные промыслы и производства. Их представляет в наши дни производство сорговых веников на продажу. Всю оставшуюся нишу занимают транспортные перевозки урожая в другие регионы и теперь страны. В традиционном и индустриальном укладах XIX и XX вв. в северных, черносошных землях излишнее население уходило именно на промыслы у себя на селе или «в отход». В южных землях, вероятно, капитализация труда в деревне происходила через обустройство помещиком перерабатывающих производств (сахарных заводов и проч.) на месте. Особо осмысливаются тогда отъезды разных бригад в советское время, в 1960–80-е гг., на заработки в РСФСР, как отсроченный «отход» государственных крестьян до революции в северных и центральных районах России. Этот «отход» в города продолжается специфично и в первые два десятилетия XXI в., когда массовой стала трудовая миграция в ЕС и РФ.

Отдельная этнографическая тема – орудия труда и средства транспорта. В ней видна тоже пограничность, а если во времени, то – транзитивность. Современная и традиционная (в личном хозяйстве) техника. Фуры, легковые машины и телеги с лошадью. Форма телег также отличная от Севера.

Усадьбы и жилища. «Классика» южной усадьбы и глиняного дома «хаты» воспроизводилась с некоторыми изменениями и в XX в., и в начале XXI в. Усадьба открытая. Жилые и хозяйственные постройки при всей вариативности располагаются с рядом закономерностей. С уличной стороны – основной жилой дом и напротив него в разные направления летний дом, связующая их – почти обязательная арка, обвитая виноградом. Так обеспечивается рассеивающий солнечный свет. При сильной инсоляции это почти обязательное условие комфортного существования на Юге. На Русском Севере борьбы со светом, солнцем нет. Даже наоборот, предпочтительной для окон является южная, солнечная сторона и т. д.

Спереди, с улицы, видна и часть сада. К основному жилищу с тыльной стороны пристраивается своеобразная кладовка. Вход в нее, в основное жилище и в летний дом соотносится с расположением отдельно построенного каменного и присыпанного землей погреба. Северный «ледник», как правило, входит в состав закрытой усадьбы. Необходимость и возможность в комплексе строительных материалов проявляется в глине, хворосте, камыше, глиняных блоках, шифере и хранимой ими прохладе на Юге и в бревнах и досках, шифере, толе и сохранении ими тепла на Севере. Устройство окон, наличники, в том числе на Юге – и внутренние, бани «по-черному», декор интерьера и экстерьера – еще одно направление для компаративистских построений в пространстве и во времени. Показательно, что весь этот этнографический материал касается не традиционного периода – конца XIX – начала XX в., а XX – двух первых десятилетий XXI столетия.

Традиционный костюм сохраняется в деталях в качестве моленной одежды. Обычно прихожанки носят здесь комплект «юбка с кофтой», в последнее время чаще стал использоваться расклешенный, «а ля косоклинный» сарафан. Он считается «фартовой» одеждой. Небезынтересно, что такие сарафаны ранее использовались на Русском Севере и в центре России [4, с. 192–203; 12, с. 326–366].

Вероятно, в связи с выходом на новый уровень культурных контактов с Рогожской митрополией и появились некоторые новации. Особое внимание – головным платкам и маленьким головным уборам под ними – «кикам». Довольно строгое отношение к женским прическам, которые обязательно должны быть в рамках традиции и исключать всевозможные стрижки.

Традиционная культура здесь на протяжении XX в. довольно полно воспроизводилась. «Старообрядческая Кунича продолжает довольно активное существование. Поглощая в полном объеме все то, что дает современная цивилизация. И причина этого – не в разложении устоев народной культуры (они здесь все еще крепки), а в органичном развитии тех тенденций хозяйственной и общественной жизни, которые закладывались уже первыми русскими переселенцами в Бессарабии» [2, с. 73].

Уместно отметить высокую резистентность старообрядческих анклавов по отношению к экспансии «разрушительных постмодернистских инноваций» в сравнении с соседствующими с ними более секуляризованными территориями [6].

Известные этнографам данные об утвари, системе питания, сохранении и воспроизведении традиционных элементов в одежде дополнены мириадами мелких штрихов современного бытования.

Основополагающая тема – религия, речь, самоидентификация и осмысление себя и соседей в микротерритории и за ее пределами. Безусловно, древлеправославие выступает главным стержнем в духовной и материальной культуре. Созвездия монографий российских и зарубежных ученых написаны об этом. Что стоит отметить в данном случае – пограничность активности Браильской и Московской митрополий, рубежность в степени воспроизведения, стойкости обрядности в селе Куничи. Не раз современные жители отмечали, что, раньше обряды в селе были прочнее, церковь чаще ремонтировалась, община была крепче, молодежь тщательнее придерживалась заветов старины; а сейчас – и короткие юбки, и непослушание старшим, и, вообще, разъезжаются.

Такие опасения можно воспринимать опять же в совокупности территориальных и временных сравнений. Только теперь наоборот – не территориальное дополняем временным, а разные периоды – географией локусов старообрядческой культуры. Если для села Кунича существующая ныне степень сохранности староверия и обрядности оценивается иногда как неполная, то монашками воспитанные и обученные грамоте и обрядности дети и подростки по достижении совершеннолетия разъезжаются не только в рамках трудовой миграции, также их посвящают в сан священников в различных старообрядческих епархиях России. И это обстоятельство свидетельствует о достаточно полном воспроизведении культовой практики староверия.

Еще одно знаковое явление – наличие пассионариев в старообрядческой среде Кишинева и Куничи. Формируется целый список людей, занимающихся живописью, прозой и поэзией, в том числе – и по старообрядческой проблематике. Это говорит о достаточно высокой степени самоидентификации и потребности самовыражения. Такая пассионарная энергия, выражающаяся среди прочего и в использовании родной речи (диалектов и литературного русского языка), транслируется по-разному в разных географических направлениях. Логистика таких коммуникаций представляется важной темой для изучения культурных пограничій.

В Румынии, в г. Бухаресте, также отмечается определенная степень воспроизводства этничности у местных старообрядцев («липован»). Используется, хотя и слабо, русская речь. В самом Бухаресте открыт старообрядческий храм, в пригороде строится еще один. Бытовые особенности, по словам прихожан, больше фиксируются в сельской местности. Размыванию родной речи, ее утрате препятствует выпуск русскоязычных изданий – журнала «Китеж-град» и газеты «Зори». В Парламенте Румынии работает соответствующая фракция, депутаты-«липоване». Так, степень сохранения старообрядческой культуры у соотечественников в Молдавии и Румынии представляется средней, с более значительным воспроизведением в Молдавии.

На территории современных Латвии, Литвы и Польши живут в основном старообрядцы – беспоповцы/поморцы. Они позиционируют себя как коренное население. Дело в том, что еще во времена Средневековья, Литовской Руси здесь жило славянское население. После раскола церкви в XVII в. приток приверженцев «древлего благочестия» в край усилился, о чем свидетельствуют и знаменитый «Дегутцкий летописец», и другие документы [1, с. 359–360].

Поэтому изначальный облик традиционной культуры русского населения здесь выявляет сходство с центральными и отчасти северными российскими областями. Отличия между регионами (Латвией, Литвой и Польшей) в наши дни выявляются незначительно, в том числе и в материальной культуре. Разница более прослеживается по линии «городское сообщество – сельское сообщество». Так, например, в связи с реновацией хуторского хозяйства в деревнях хозяйство лишь отчасти воспроизводит традиционный уклад. В деревне Москвино, около г. Прейли в Латвии, фиксируются элементы скотоводства, разведения птицы, огородничество и садоводство [7].

Комплекс традиционных бытовых вещей представлен в основном «этнически маркированными» предметами, среди которых лишь единично встречаются образцы, выполненные в стиле XIX–XX вв. Среди «этнически маркированных» – наборы русских народных художественных промыслов (хохломянская посуда), скатерти и салфетки с псевдорусскими, стилизованными орнаментами, другой домашний текстиль. Используются и единичные предметы мебели, доставшиеся современным владельцам как память о родителях. Среди них – книжные шкафы, буфеты, комоды, кресла и т. д. Безусловно, как драгоценная часть наследства переходят к детям и внукам иконы и книги.

Стилизованная традиционная одежда выступает в качестве «моленной». Ярких костюмных комплексов не выявляется, в том числе – и по причине давнего воспроизводства в городских условиях (г. Рига). Наряду с обычными длинными юбками и кофтами с обязательно длинным рукавом используются и сарафаны. Так, например, в общине г. Сувалки (Польша) бытуют длинные, отрезные по линии талии, со складками спереди и сзади сарафаны. Во всем макрорегионе непреходящей нормой считается ношение головного платка. Однако жестких требований к прическе не выявлено, не все женщины носят длинные косы.

Система питания среди прочего включает традиционное использование травяных чаев, меда, выпечки. Обязательно соблюдение постов, некоторыми членами общин – особенно строго. Показательно распространение специальных сборников об основах питания у староверов Латвии [11].

В комплексе духовной культуры ярким компонентом и прочной основой выступает религия. С ней соотносится и календарная, и семейная обрядность. Строгость конфессиональных канонов не допускает локального разнообразия, которое воспринимается и как отступление от установленных порядков. Необходимый набор богослужебных книг имеется как в храмах, так и на руках у представителей общин.

Степень сохранения русского языка различается на всех трех территориях. Наибольшее бытование русского языка выявлено в Латвии, в том числе в Риге, с ее Гребенщиковской общиной – всемирно известным центром поморской культуры. В других населенных пунктах этой страны русский язык также используется и в старообрядческих общинах, и в городской/сельской повседневности. Все надписи на кладбищах – строго на русском языке, в ряде случаев – старославянскими шрифтами.

В деревнях и городах Литвы русский язык в старообрядческих общинах также используется, особенно в темах, связанных с богослужением. Но отмечены случаи общения между собой на литовском языке; на кладбищах в деревнях Зоросай, Укмерге и др. не единичны случаи надписей на надгробиях латинским шрифтом (как «латыняне»), и без учета разницы окончаний в фамилиях с именами в мужском и женском роде (например – OLGA IVANOV, а не OLDA IVANOVA). Общение на русском языке происходит без акцента.

В населенных пунктах на территории Польши (г. Сувалки, деревни Водзилки, Габовы Гронды) русское население широко использует польский язык, по-русски говорит со значительным включением польских слов и манеры речи [2, с. 175, 177].

Не все представители общин чисто говорят на родном языке. Родная речь используется при посещении храма, кладбища, на мероприятиях общественной организации, работающей в связке с религиозной общиной. В д. Габовы Гронды создан Центр культуры с библиотекой, музейной комнатой, залом для фольклорных и других мероприятий. Здесь же работает известный фольклорный ансамбль «Рябина», в репертуаре которого немало русских песен, в том числе и в «казачьем» стиле.

Польские исследователи отмечают, что после вхождения Литвы в состав ЕС, культурные контакты между староверами Польши и Литвы активизировались, и благодаря этому общению польские «старообжедовцы» ныне говорят по-русски чище, чем до 1990-х гг. Данное явление можно объяснить следующим образом: на территории Литвы в советский пери-

од русский язык был государственным и использовался полно. На территории Польши русская речь «сливалась» с польской речью; два славянских языка быстрее могли смешиваться, и не только в плане лексикона. С возобновлением контактов с литовскими братьями практика говорения на чистой русской речи усилилась.

Везде в трех странах отмечено произношение «свещи» вместо «свечи». Степень воспроизведения этничности, языка, быта и традиций у старообрядцев-соотечественников из стран Балтии и Польши представляется ближе к средней, более ярко воспроизводится все, что связано с «древним благочестием». Ряд мелких деталей говорит о конкретном течении тех или иных этнических процессов в рассматриваемых этнокультурах.

В общем и целом, в рамках этномониторинга проведенный путем экспедиционного обследования конкретный срез состояния этничности и других параметров демонстрирует определенные характеристики культуры старообрядческих сообществ, что позволяет очертить их возможные перспективы и наметить направления сотрудничества. При этом целесообразно учитывать следующее обстоятельство. Если учесть, что этнография/этнология/ культурная антропология имеет немалое пограничье с естественными науками, и если представлять этнокультуры как живые организмы и в них не вымарывать биологическое, физиологическое, материальное, то, может быть, окажется, что в жизни пограничных этнокультур, этнокультур соотечественников в Центральной Европе станут заметными не только гуманитарные, духовные, политические, исторические закономерности. Часть общественных (гуманитарных) процессов по их тяготению к той или иной сущности может быть объяснена и посредством витальности, некоей биологичности, потребностью выживания этнокультур как живых организмов не только в пространстве, но и во времени, в физике и биологии социального.

Список литературы

1. Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и Польши : краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс : AIDAI, 2005. 460 с.
2. Глушковский М. Территориальная разновидность говора польских старообрядцев (на примере избранных идиолектов сувальского и августовского регионов) // Staroobzedowcy za granica / под ред. М. Глушковского, С. Гжибовского. Торунь : Wydawnictwo Naukowe, 2010. С. 171–180.
3. Иванова А. Г. Посты и постные блюда староверов Латвии. Рига : Рижская Гребенщиковская старообрядческая община, 2015. 136 с.
4. Пармон Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструктивный источник творчества. М. : Легпромбытиздат, 1994. 272 с.
5. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Всемирное православие в зеркале социологических опросов // Церковь и время : научно-богословский и церковно-общественный журнал. Том LXXXV, октябрь-декабрь 2018. С. 48.
6. Печатнов В. В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI. № 1. 2017. С. 39.
7. ПМА, Латвия, Литва, Польша, октябрь – ноябрь 2018 г.
8. ПМА, Пермская область, 1980-е гг.
9. Пригарин А. А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX в. Одесса ; Измаил ; М., 2010. 528 с.
10. Смилянская Е. Б., Денисов Н. Г. Старообрядчество Бессарабии: книжность и певческая культура. М. : «Индрик», 2007. 432 с.
11. Трушкова И. Ю. Традиционная культура русского населения Вятского региона в XIX – начале XX в. (система жизнеобеспечения). Киров : Маури-принт, 2004. 772 с.
12. Трушкова И. Ю. Традиционные костюмные комплексы Вятского края: проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния // История и культура Вятского края. Т. 2. М. ; Киров : «Академический проект» – «Константа», 2005. С. 293–510.
13. Orthodox Christianity in the 21st Century. Pew Research Center. Nov. 8, 2017. URL: <http://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century> (дата обращения: 26.02.2019).
14. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050. Pew Research Center. Apr. 2, 2015. URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2015/03/PF_15.04.02_Projections_FullReport.pdf (дата обращения: 11.02.2018).

Old believer communities in the Russian abroad: the strokes of ethno-cultural everyday life in the late XX-early XXI century

I. Yu. Trushkova

Doctor of historical sciences, professor of the Department of history and political sciences, head of the laboratory «Ethno-cultural processes in the Kama-Vyatka region», Vyatka State University.
E-mail: arina_trushkova@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of ethnographic expeditionary materials, modern models of ethnoculture are considered for different groups of compatriots (Old Believers) abroad – in Moldova, Romania (1), Latvia, Lithuania and Poland (2). The first of them belong to the «popovtsy», so called «belokrinitzskoy soglasie». The second are the «bespopovtsy», the «pomortsy». Their history in these territories goes back several centuries. During this period, systems of adaptation to local cultural and economic realities have been developed. Today they are refracted in a certain section of ethnomonitoring, which fixes the processes in the models of the ethnocultures under consideration in the material and spiritual perspectives.

The existence of the traditional elements of the «world of goods» is shown. As a rule, they depended on the existence in urban or rural environments, social status and intercultural relations. The traditions of economic, traditional occupations for the Old Believers in Bessarabia, the Baltic region and Poland are noted. Some characteristics of traditional clothing, which is reproduced in our days in a stylized form and preserved by religious beliefs as «molennaya», are revealed. In the power system is maintained compliance posts. The everyday environment includes a number of items that are particularly significant for cultures.

The state of language, literacy, religion is marked. In a number of localities the Russian language is not only becoming the second for everyday use, but is also partially lost. Interregional communications of the Old Belief ethnocultures are shown in these regions with regions of Russia, the European Union, and other foreign countries. Prospects for the study of this phenomenon are noted.

Keywords: Old Believers abroad, ethnicity, Russian language, books, religiosity, cultural contacts.

References

1. Baranovskij V., Potashenko G. *Staroverie Baltii i Pol'shi: kratkij istoricheskij i biograficheskij slovar'* [Old believing of the Baltic States and Poland: a brief historical and biographical dictionary]. Vilnius. AIDAI. 2005. 460 p.
2. Glushkovskij M. *Territorial'naya raznovidnost' govora pol'skih staroobryadcev (na primere izbrannyh idiolektov suval'skogo i avgustovskogo regionov)* [Territorial variety of the dialect of the Polish old believers (on the example of the chosen idiolects of suvalsky and August regions)] // *Staroobrzadowcy za granica* / ed. M. Glushkovsky, S. Grzibovsky. Torun. Wydawnictwo Naukowe. 2010. Pp. 171–180.
3. Ivanova A. G. *Posty i postnye blyuda staroverov Latvii* [Fasting and meatless meals old believers in Latvia]. Riga. Riga Grebenshchikov old believer community. 2015. 136 p.
4. Parmon F. M. *Russkij narodnyj kostyum kak hudozhestvenno-konstruktivnyj istochnik tvorchestva* [Russian folk costume as an artistic and constructive source of creativity]. M. Legprombytizdat. 1994. 272 p.
5. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Vsemirnoe pravoslavie v zerkale sociologicheskikh oprosov* [World Orthodoxy in the mirror of sociological surveys] // *Cerkov' i vremya. Nauchno-bogoslovskij i cerkovno-obshchestvennyj zhurnal – Church and time. Scientific-theological and Church-public journal*. Volume LXXXV, October-December, 2018. P. 48.
6. Pechatnov V. V. *Tradicionnye cennosti i ih protivniki* [Traditional values and their opponents] // *Rossiya XXI – Russia XXI*. 2017, № 1, p. 39.
7. PMA, *Latviya, Litva, Pol'sha, oktyabr' – noyabr' 2018 g.* – PMA, Latvia, Lithuania, Poland, October-November 2018.
8. PMA, *Permskaya oblast', 1980-e gg.* – PMA, Perm, 1980-ies.
9. Prigarin A. A. *Russkie staroobryadcy na Dunae: formirovanie ehtnokonfessional'noj obshchnosti v konce XVIII – pervoj polovine XIX v* [Russian old believers on the Danube: formation of ethno – confessional community in the late XVIII-the first half of the XIX century. Odessa. 2010. 528 p.
10. Smilyanskaya E. B., Denisov N. G. *Staroobryadchestvo Bessarabii: knizhnost' i pevcheskaya kul'tura* [The old Believing of Bessarabia: book culture and song culture]. M. «Indrik». 2007. 432 p.
11. Trushkova I. YU. *Tradicionnaya kul'tura russkogo naseleniya Vyatskogo regiona v XIX – nachale XX v. (sistema zhizneobespecheniya)* [Traditional culture of the Russian population of the Vyatka region in the XIX – early XX century (life support system)]. Kirov: Mauri-print. 2004. 772 p.
12. Trushkova I. YU. *Tradicionnye kostyumnye komplekсы Vyatskogo kraja: problemy formirovaniya, vzaimovliyaniya, sovremennogo sostoyaniya* [Traditional costume complexes of the Vyatka region: problems of formation, mutual influence, the current state] // *Istoriya i kul'tura Vyatskogo kraja - History and culture of the Vyatka region*. Vol. 2. M.; Kirov. «Academicheskij project» – «Constanta». 2005. Pp. 293–510.
13. Pew Research Center. Nov. 8, 2017, «Orthodox Christianity in the 21st Century». Available at: <http://www.pewforum.org/2017/11/08/orthodox-christianity-in-the-21st-century/> (accessed: 26.02.2019).
14. Pew Research Center. Apr. 2, 2015, «The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050». URL: http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/11/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf. (accessed: 11.02. 2018).